

На правах рукописи

ЧАНЫШЕВА ЗУЛЬФИРА ЗАКИЕВНА

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

УФА – 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования «Башкирский
государственный университет»

Научный консультант

доктор филологических наук, профессор
МУРЯСОВ РАХИМ ЗАКИЕВИЧ

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
МАКОВСКИЙ МАРК МИХАЙЛОВИЧ

доктор филологических наук, профессор
ПИТИНА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор
ШАФИКОВ САГИТ ГАЙЛИЕВИЧ

Ведущая организация Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Уфимский
государственный авиационный технический университет»

Защита состоится « _____ » _____ 2006 года в _____
часов на заседании диссертационного совета Д 212. 013. 02 по защите
диссертаций на соискание учёной степени доктора филологических
наук при Башкирском государственном университете по адресу:
450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32, филологический факультет, ауд.
_____ .

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского
государственного университета

Автореферат разослан « _____ » _____ 2006 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Ибрагимова В.Л.

Актуальность реферируемого диссертационного исследования обусловлена комплексным изучением отражения в лексико-фразеологической системе и тексте результатов взаимодействия языка и культуры в рамках этноса, выявлением значимости его специфики в межкультурном формате общения, осуществляемого в процессе перевода. Актуальность темы работы состоит также в том, что она обеспечивает выход на более широкую лексикографическую проблематику, связанную с интерпретацией этнокультурных смыслов. Этим определяется также закономерность обращения к исследованию проблемы «своего» / «чужого» в межкультурной коммуникации и установлению оптимального соотношения адаптирующей и консервирующей переводческих стратегий при передаче «чужого» в принимающей этносреде.

В настоящее время вопросами исследования языка с позиций межкультурной и межэтнической коммуникации, межгруппового и межличностного взаимодействия занимается целая группа гуманитарных наук: культурология и социология культуры, этнолингвистика и этнопсихология, лингвокультурология и когнитивная лингвистика, теории речевой коммуникации и речевого общения. В ряду разнообразных подходов принято выделять теоретико-методологический, этнолингвистический, лингвистический, культурологический, лингвокультурологический, исторический ракурсы рассмотрения проблемы взаимодействия языков и культур. Размежевать «территории» разных научных областей отнюдь не просто, но, очевидно, что заметно повысились «место и вес культурологической аргументации в современной науке о языке» и особенно в семантических исследованиях [Фрумкина 1999: 3]. Помимо указанной сложности, существует тематическая неоднородность отдельных научных направлений, прежде всего, лингвокультурологии, которая охватывает почти всё пространство между двумя полюсами *Язык* и *Культура* [Степанов 2003]. По мнению В.М. Шаклеина, сложность оформления лингвокультурологии в тематически ограниченное научное направление и связанный с этим особый уклон (философский, логический, этнографический, психолингвистический и т.д.) отдельных лингвокультурологических исследований определяются: (а) мировоззрением учёного, его специализацией, а также базовым образованием; (б) невозможностью охватить в одном исследовании все перечисленные аспекты лингвокультурологии, что потребовало бы использования сложного комплексного подхода, который пока что не разработан в теории и

практике научного поиска; (в) масштабностью лингвокультурологической проблематики, которая позволяет объединять в одном проблемном поле аппарат и материал других дисциплин, решающих более частные и конкретные проблемы [Шаклеин 1997]. Вероятно, помимо перечисленных факторов, не последнюю роль играют также объект и цели исследования, используемый арсенал процедур и методик, адекватных материалу и задачам конкретной работы.

Цель настоящей работы заключается в разработке этнокультурного варианта лингвокультурологического подхода к описанию лексической семантики в сопоставительно-переводческом аспекте, что призвано обеспечить теоретическую базу переводного русско-английского словаря лингвокультурологического типа.

Объектом исследования являются лексические и фразеологические единицы, совмещающие в своей содержательно-информационной структуре языковую и этнокультурную информацию.

Для достижения сформулированной цели исследования последовательно решаются следующие задачи:

- 1) уточнить определения базовых элементов триады *язык – этнос – культура* в аспекте взаимодействия образуемых ими пространств;
- 2) проследить этапы становления этнокультурологического подхода к языку, обобщить вклад наиболее существенных концепций в разработку новой парадигмы;
- 3) охарактеризовать понятие этнокультурной модели мира в её отношении к языковой картине мира;
- 4) определить этнокультурологические критерии классификации лексической семантики;
- 5) предложить методику выявления этнокультурной информации в лингвокультурных концептах, отражённых на разных уровнях лексико-фразеологической системы языка;
- 6) обосновать лингвокультурологическое понимание двухуровневой (культурно-языковой) структуры эквивалентности;
- 7) уточнить толкование основных единиц метаязыка лингвокультурологического переводного словаря, включающих понятие фонового контекста как опорного звена при семантизации лингвокультурных концептов,

- акцептируемости «чужого» из иного языка и иной культуры, лингвокультурной ситуации;
- 8) установить способы индексации этнокультурной информации в переводном словаре;
 - 9) составить лингвокультурологический переводной русско-английский словарь реалий, появившихся в советском и постсоветском пространствах.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные положения современной науки, раскрывающие сложную природу взаимоотношений *Языка, Этнoса* и *Культуры*. Осознание полифункциональной, многослойной и разнопостасной природы изучаемых явлений, а также сосуществование сложившихся традиций их исследования в рамках отдельных научных дисциплин побуждают нас ограничить исследовательское поле, выделив в каждом из данных образований лишь те грани, которые выпукло проявляются в аспекте их взаимодействия.

Теоретической базой работы послужили основополагающие труды отечественных и зарубежных учёных в области семантики и лексики (В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Л.М. Васильева, А. Вежбицкой, В.Г. Гака, И.М. Кобозевой, Н.Г. Комлева, М.А. Кронгауза, Д.Н. Шмелева, Г.Г. Шпета), языка и культуры (Е.М. Верещагина, В.В. Воробьёва, Т.М. Гарипова, Д.Б. Гудкова, С.В. Ивановой, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, В.В. Ощепковой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Г.Д. Томашина), сопоставительных исследований и межкультурной коммуникации (В.В. Кабакчи, И.Э. Клюканова, В.В. Кочеткова, О.А. Леонтович, Р.З. Мурысова, Л.Г. Саяховой, Е.Ф. Тарасова, С.Г. Тер-Минасовой, Н.В. Уфимцевой, Р.Х. Хайруллиной, М. Agar, F. Casmir, M. Guirdham, R. Lado), теории и практики перевода (В.С. Виноградова, Линн Виссон, Н.М. Нестеровой, Ю.А. Сорокина, Т.А. Фесенко, St. Campbell, J. Catford, A. Neubert, E.A. Nida, G. Steiner, P. Torop, G. Toury, H.J. Vermeer).

Научная новизна работы заключается в постановке проблемы, вынесенной в её название, и предлагаемых вариантах решения сформулированных задач. Национальный язык рассматривается под углом зрения его функционирования в пространстве этноса и культуры в качестве важнейшего этногенного фактора, который активно участвует в процессе осмысления и преобразования явлений внеязыковой действительности в объекты сознания, осуществляя картинообразующую функцию.

Новым является систематизация средств лексикографической индексации этнокультурной специфики информационно-смыслового содержания языковых единиц, не всегда осознаваемой инофоном.

В работе впервые системно раскрывается информационный потенциал единиц лексической семантики с этнокультурных позиций, который исследуется в сопоставительно-переводческом аспекте. Развиваемый в исследовании взгляд на язык как на форму самосознания, самооценки и самовыражения народа позволяет не только увидеть в языковых средствах овнешнения образов сознания ключ к разгадке его ментальности, своеобразного мировидения, миропонимания и мироощущения, к пониманию национального характера, но и использовать его в качестве инструмента словарного описания с целью преодоления «культурного» шока и конфликтных ситуаций в межкультурном общении.

Впервые соотносимые в двух языках явления изучаются в пространстве «своей» и «чужой» культур, что даёт основание дополнить традиционное понимание эквивалентности этнокультурным измерением. Трактовка эквивалентности лексических единиц с этнокультурологических позиций положена в основу оригинальной концепции переводного словаря лингвокультурологического типа, в котором предложена методика передачи этнокультурного содержания реалий русского языка обозначенной эпохи на английском языке.

Новым является использование методики этнокультурологического анализа смыслового пространства лексической семантики на примере различных групп единиц, актуальных в контексте контакта рассматриваемых языков и культур. Исследование лексических единиц, вербализующих концепты как микромодели культуры, осуществлено в работе в рамках взаимодействия смыслового пространства национальной культуры и смыслового пространства этнического языка как основных форм отражения этнокультурного опыта данного лингвокультурного сообщества.

Потенциал исследования концептуального аспекта содержательной стороны языка в контексте межъязыкового и межкультурного общения выявляется в работе благодаря подключению внутренних и внешних параметров анализа: в первом случае выясняется позиция в сложной картине взаимоотношений лингвокультурных концептов в данной культуре, в то время как второй ракурс обеспечивает выход в систему квазисинонимичных им концептов в другой культуре. Новым в работе является то, что

внешний ракурс лёг в основу используемого при анализе эмпирического материала сопоставительно-переводческого метода, применяемого в качестве инструмента выявления фоновой информации. В реферируемой работе впервые предлагается комплексная методика описания инофоновой (скрытой) информации по лексикографическим данным (семная структура значения, деривационный потенциал, селективная и типичная сочетаемость, иллюстративный материал и т.д.), контекстуальным маркерам (объяснения, авторский комментарий, конситуативные характеристики и т.д.), на основании сопоставления параллельных разноязычных текстов. Основное внимание уделяется методике структурирования этнокультурного содержания и установления средств индексации инофоновой информации при передаче русских лингвокультурных концептов в составленном под руководством автора переводном русско-английском словаре.

Наиболее существенные результаты работы, а также вклад соискателя в решение сформулированных задач обобщены в **следующих положениях, выносимых на защиту:**

1. Этнокультурологический подход к исследованию лексической семантики допускает возможность её изучения на двух уровнях: на уровне языкового значения лексических единиц и на уровне концептуальной семантики. И в том и в другом случае выявляется этнокультурная информационная составляющая либо на поверхностном, либо на глубинном уровне, определяющая в межъязыковом плане полное сходство (общекультурная лексика/ семантика), частичное сходство и различия (специфично-культурная лексика/ семантика) и отсутствие сопоставимого сходства (уникально-культурная лексика/ семантика). Элементы двух последних разрядов лексики/ семантики являются экспонентами этнокультурного содержания, анализ которого осуществляется при помощи особых инструментов и методик исследования.
2. Проводники этнокультурного содержания в языке охватывают различные способы его оязыковления на уровне специфично-культурной и уникально-культурной лексики/ семантики, включающие различные семантические компоненты (явные и скрытые), референтные спецификации, указания на прототипические характеристики объектов и явлений и связи между ними, выявляющие помимо языковых особенностей культурно-релевантные смыслы и ассоциации соотносимых

единиц, принадлежащих к разным культурным кодам (соматическому, цветовому, артефактивному и т.д.).

3. Национально-культурная информация присутствует в языковом знаке в латентной форме и может быть «считана» средним представителем данного этнокультурного сообщества при условии совмещения трёх составляющих: лексической матрицы языка, матрицы языковой/ речевой личности, а также языковой картины мира как семиологической матрицы национальной ментальности.

4. Информационный потенциал лексических единиц, рассмотренный с этнокультурных позиций, реализуется в тексте как в явной, так и в неявной формах. Все виды скрытой информации (пресуппозиция, подтекст, коннотации / ассоциации и т.д.), присутствующей в ситуациях общения человека с текстами, имеют этнокультурную подоплеку и должны изучаться как продукт взаимодействия смысловых пространств языка, культуры, этноса.

5. Перевод, рассматриваемый в контексте межкультурной коммуникации как дву-язычный и дву-культурный процесс взаимодействия «говорящих сознаний», является способом интерпретации не только языкового, но и этнокультурного содержания, предполагающим снятие, помимо языковых расхождений, также и культурных, ментальных и психологических барьеров между коммуникантами. Вовлечение в переводческий процесс трёх-ипостасной речевой реализации языковой личности (личность 1 – создатель исходного текста, личность 2 – переводчик, выступающий в роли реципиента текста подлинника и продуцента переводного текста, и личность 3 – реципиент переводного текста) предполагает учёт различий между составляющими контактирующих национально-культурных пространств, а также в когнитивных базах носителей разных языков и культур. Фоновый контекст (словарный и текстуальный) представляет собой опорное звено в процессе объективации и структурирования этнокультурного содержания.

6. Взгляд на перевод как на акт, обеспечивающий межязыковое и межкультурное общение, позволяет по-новому представить понятие эквивалентности, выделив в нём два уровня: языковой (поверхностный) и культурный (глубинный). Языковой уровень соотносит понятие эквивалентности с лингвистическим толкованием, включающим отношения семантической инвариантности между языковыми знаками разных языковых

кодов в контексте их функционирования в разноязычных текстах. На глубинном (культурном) уровне отношения эквивалентности устанавливаются с учётом общекультурного и этнокультурного слоёв содержания соотносимых лексических единиц, которые вскрывают сходства или расхождения культурного характера, определяющие успех межкультурного общения или объясняющие коммуникативные неудачи.

7. Опорным звеном в процессе объективации и структурирования этнокультурной информации является фоновый контекст (словарный или текстуальный), который наделен явно выраженной установкой на обеспечение акцептируемости, то есть адекватной рецепции содержания и формы некоторой единицы инофоном.

8. Переводной словарь лингвокультурологического типа открывает новые перспективы использования лексикографических данных для создания с учётом расхождений в когнитивной базе носителей языка-источника и языка-цели необходимых и достаточных сведений и знаний, компенсирующих различия в фоновых представлениях, определяемых этнокультурным языковым сознанием, в характере и объёме прецедентных феноменов, ментальных, эмотивных, поведенческих и пр. стереотипов, сопряженных с вхождением «чужого» в новую этносреду.

9. Переводной словарь целесообразно оценивать с точки зрения адекватности способов представления «чужого в своём» или «своего в чужом», поскольку в нём систематизируются разные подходы к освоению «не своего» слова в своей этносреде или передаче «своего» в иной этносреде, включая формальные признаки, языковую семантику, этнокультурную специфику смыслового содержания чужого слова. В нём демонстрируются разные механизмы проникновения «чужого» в смысловое пространство принимающего языка и культуры и устанавливаются оптимальные варианты сочетания адаптирующей и консервирующей переводческих стратегий.

Материал исследования представлен различными разрядами лексико-фразеологической системы, включающими артефактивные наименования, соматизмы, единицы с компонентами цветообозначения, а также советизмы и постсоветизмы с их переводами на английский язык (всего более 5000 единиц). Значительная часть исследованных советизмов и постсоветизмов

получила отражение в созданном под руководством автора переводном словаре лингвокультурологического типа. Подавляющее число единиц, появившихся в обозначенный исторический период, являются новообразованиями русского языка, либо не отраженными адекватно в существующих переводных словарях, либо не вошедшими в справочные издания. Поэтому используемая **методика** состоит из двух взаимосвязанных этапов: на первом этапе осуществляется сбор, анализ, систематизация и оценка переводческих решений при передаче в англоязычных текстах русских лингвокультурных реалий обозначенного времени. Значительный массив одноязычных и параллельных текстов использован с целью реконструкции лингвокультурной ситуации, в условиях которых порождались те или иные реалии. Для принятия взвешенных оценок на втором этапе производится отбор наиболее оптимальных переводческих решений с учётом частотности их употребления в переводах разных авторов, максимально полно учитывается их вариативность и вскрываются различия между переводческими решениями. Далее осуществляется препарирование материала с последующим структурированием этнокультурной информации в рамках словарного фонового контекста.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нём (а) использована комплексная методика выявления и систематизации лексикографических средств индексации этнокультурной информации; (б) предложен сопоставительно-переводческий ракурс рассмотрения этнокультурного содержания единиц, участвующих в процессе межкультурной коммуникации; (в) разработаны приёмы и способы лексикографической обработки «чужого» в языке-реципиенте, обеспечивающие его акцептируемость в новой этносреде; (г) разработаны основные понятия метаязыка переводного словаря лингвокультурологического типа: фоновый контекст, двухуровневая структура переводческой эквивалентности, акцептируемость «не своего» слова, лингвокультурная ситуация и др.

В диссертации на разных этапах исследования привлекались различные **методы** лингвистического анализа, включающие компонентный метод, сопоставительно-переводческий анализ, приёмы контекстуального анализа лексических единиц, в том числе при помощи корпуса текстов. Результаты лингвистического анализа дополнялись их когнитивной и лингвокультурологической интерпретацией с участием носителей языка.

Практическая ценность полученных результатов связана с возможностью их использования при разработке лекционных курсов

по теории и практике перевода, сопоставительной лексикологии, чтении спецкурсов по межъязыковым контактам и межкультурной коммуникации, в лексикографической практике создания переводных словарей лингвокультурологического типа.

Апробация работы. Основное содержание работы получило освещение в 28 статьях, монографии «Этнокультурные основания лексической семантики» (Уфа, 2004), двух учебных пособий: «Средства создания скрытой информации в тексте (лингвокультурологический и лингвокогнитивный аспекты)» (Уфа, 2000) и «Взаимодействие речевых и неречевых факторов в процессе речевого общения» (Уфа, 1984). Материалы и результаты работы представлены в Русско-английском лингвокультурологическом словаре неологизмов перестроечного и постперестроечного периодов (в соавторстве) (Уфа, 2002). Основные положения диссертации отражены в выступлениях на международных (Москва 2005; Тамбов 2005; Уфа 2004), всероссийских (Уфа 2001, 2002, 2003), межрегиональных (Нальчик 1984; Уфа 1998), межвузовских (Пенза 1992, 1998; Уфа 2004) конференциях по проблемам межкультурной коммуникации, переводу, сопоставительным и контрастивным исследованиям, в докладе на научном семинаре в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН РФ (Уфа, 2005). Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры межкультурной коммуникации и перевода факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Структура диссертации: работа (объём 381 стр.) состоит из введения, четырёх глав, заключения, списков использованной литературы, лексикографических источников и периодических изданий на русском и английском языках, а также списка художественных текстов на английском / русском языке с их переводами на русский / английский язык.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, отмечаются её актуальность и новизна, формулируются основная цель и задачи исследования, определяются основные положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность проведённого исследования.

Глава I «Язык – Этнос – Культура: аспекты взаимодействия» посвящена последовательному рассмотрению взаимодействия

обозначенных явлений в пространственном, а не плоскостном измерении. В рамках предлагаемого научного направления в реферируемой работе акцентируются этно- и социокультурный ракурсы анализа лексической семантики в сопоставительно-переводческом ключе.

Глава предваряется кратким анализом новых тенденций в области теоретической семантики на рубеже веков, которые позволили раздвинуть границы лингвистической семантики и исследовать содержание языковых единиц в триедином пространстве: этнокультурном, социокультурном и ментальном. Закрепление взгляда на слово как на «концентрированный сгусток смысла», «микрокосм сознания» (по Л.С. Выготскому) закономерно обуславливает переключение внимания исследователя от значения слова как наиболее «константной зоны» смысла к его более текучим зонам, то есть смыслу в целом с его национальной, социо-культурной и индивидуально-личностной спецификой.

Исследование семантики в макро- и микролингвистическом ракурсах происходит в контексте полипарадигмальности концепций языка, в первую очередь, лингвокультурологической, лингвокогнитивной и когнитивно-функциональной, в которых отражается объёмное представление о языке как «пространстве мысли», «доме бытия» духа. Следствием нового осмысления языка в антропологических парадигмах является взгляд на единство выполняемых им важнейших функций, связанных с созданием, хранением и передачей информации в языке (эпистемическая), использованием языка в качестве средства получения нового знания о действительности (когнитивная) и функционированием языка как основного средства передачи информации от говорящего к слушающему (коммуникативная) [Кибрик 2002].

Отталкиваясь от полифункциональной природы языка и роли семантики в вышеназванных процессах, мы неизбежно приходим к мысли о примате семантики над формой и необходимости соединения в одном исследовательском поле проблем узкой и широкой семантики, а также результатов, полученных слабой и сильной теориями семантики. Принципиально значимым для семантических исследований представляется утверждение М.А. Кронгауза о неразрывности теории значения, отвечающей за связь языка с мыслью, и теории референции, изучающей связь языка с миром, поскольку «мысль также связана с миром» [Кронгауз 2001]. Именно широкий охват аспектов семантики способен дать ответ на один из сложнейших

вопросов лингвофилософии о том, каким образом осуществляется «привязка языка к действительности», то есть что представляет собой переосмысленная в сознании человека действительность.

Предлагаемый в диссертации подход предопределяет последовательное рассмотрение языка в этническом пространстве и в пространстве культуры. В первом случае речь идёт о роли языка не только как важнейшем этногенном признаке, закрепляющем специфику национального характера и менталитета, отражающем мировоззрение народа, но и как факторе интеграции этноса (маркер принадлежности к «своим») и дифференциации этноса (маркер обособления «своих» от любых «чужих»). Важно подчеркнуть, что именно в пространстве этноса язык реализует свою картообразующую функцию, благодаря которой в коллективном этническом языковом сознании формируется целостное представление народа о мире, выражается определённый взгляд на мир, уникальная точка зрения на окружающую действительность.

Язык и культуру целесообразно представлять неразрывно и одновременно неслиянно как два полюса объединённой культурно-языковой среды, консолидирующей этнос. Подобный взгляд на язык и культуру имеет ряд важных теоретических и практических последствий. Во-первых, появляется реальная возможность соотносить единицы языка по параметру языковая – культурная информация в их содержании; во-вторых, оценивать их на основании разного объёма и характера закреплённой за ними языковой и культурной информации; в-третьих, осмысливать соотносимые единицы в терминах «своё» / «чужое». Указанные параметры в равной степени могут быть использованы в исследованиях как монокультурного, так и межкультурного формата, в частности, они могут быть учтены при оценке степени эквивалентности соотносимых в двух языках единиц.

Разнообразие связей языка и культуры неоправданно сводить к простому установлению корреляций между элементами двух систем, поскольку они охватывают широкий диапазон конкретных форм их взаимодействия, по меньшей мере, в четырёх ипостасях: *культура в языке*, т.е. отражение в средствах языка и в текстах определенного культурного содержания; *язык в культуре*, т.е. использование языковых формул как составной части культурных установлений; *культура языка и речи* с опорой на широкий культурный фон; *язык культуры*, т.е. изучение базисных концептов (констант), с семиологических позиций (В.А. Виноградов, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак и др.). Каждая из указанных форм взаимодействия языка и культуры

может быть исследована как в статическом, так и в динамическом ракурсах на разных по объёму и характеру материалах, начиная с отдельных концептов до уровня целостных систем. Наиболее известная классификация словарного состава языка, в которой органически соединяются собственно языковая семантика (значения словарного типа) и культурная семантика (концепты как некие «потенции» значений) разработана впервые акад. Д.С. Лихачёвым [Лихачев 1993]. Данная концепция не только обнажает суть национального языка с этнокультурных позиций, но и показывает возможность исследования лексической семантики на разных уровнях.

В основе механизма, осуществляющего сплав этнического языка и образов сознания, подвергающихся «овнешнению», лежит нечто большее, чем языковой код. Расширенный подход к языку означает, что он не сводим к коду, но мыслится как отражение этнического языкового сознания, закрепляющее неповторимый образ мира. Если признать язык герметичной системой, то вхождение в неё требует личного усилия на уровне знания (М.К. Мамардашвили, Ю.П. Сенокосов). Следовательно, работа с такой системой означает не простую расшифровку сообщения как декодирование кода, но предполагает в качестве обязательного условия обращение к анализу отражённой человеческим сознанием внеязыковой действительности.

Рассмотрение культуры в этноязыковом ракурсе подчёркивает тот её аспект, который рельефно проявляется в известном противопоставлении чужих культур и собственной культуры. Смысл произошедшего в методологии исследователя сдвига интереса от чужих (экзотических) культур к направленной научной рефлексии о своей культуре справедливо оценивается в современной науке как результат отчуждения «себя от своего». Вместе с тем, в последние годы преодолевается противопоставление своей и чужой культур и вводится новый аспект их изучения через со-поставление, ибо, по М.М. Бахтину, чужая культура раскрывает себя полнее и глубже, обнажая перед нами новые смысловые глубины. Такая диалектика чужой и своей культуры особенно плодотворна для межкультурного диалога, но не менее важно для исследования семантики обращение к собственной культуре, которое высвечивает культурные феномены и культурные смыслы, несомые языком. В этом видится возможность использования классификационного параметра лексической системы, совмещающего языковой и культурный (концептуальный) уровни анализа.

В соответствии с теоретическими установками реферируемой работы, в ней принимается известное определение этноса в контексте культуры как пространственно ограниченных ступок специфично культурной информации, а важнейшие функции культуры этноса уточняются через их соотнесение с этой информацией (см. Ю.В. Бромляя, Л.Н. Гумилёва, Э.С. Маркаряна и др.).

Основная проблема, связанная с решением сформулированных в диссертации задач, заключается в определении соотношения между этническим и национально-культурным. Исходя из их неразрывной взаимосвязи и общности с национальным (этническим) языком, мы тем не менее считаем необходимым и целесообразным чётко разграничить пространства этноса и культуры. Закрепляя за культурой более узкое толкование как совокупность присущих этносу способов адаптации к объективным условиям своего существования, мы тем самым полагаем, что этнос охватывает гораздо более широкий спектр явлений, относящихся к мировоззрению, миропониманию и мироощущению, находящим своё выражение в этнокультурной модели мира и отражённым в языковой картине мира, к менталитету и ментальности, этническому характеру и т.д. Факты «коллективного бессознательного», не поддающиеся сознательному анализу и саморефлексии и лежащие в основе поведения людей, квалифицируются нами как этнические, а не культурные стереотипы. Отношения между культурным и национальным в языке представляются нам как пересекающиеся, поскольку не всё культурно маркированное в языке является одновременно этномаркированным, и не все этномаркированные единицы обладают культурной коннотацией. По этой причине в основании лексической семантики целесообразно видеть результат взаимодейственного влияния как этнических, так и культурных факторов. Так, например, языковые реалии, связанные с отражением особенностей среды обитания народа, природного ландшафта, флоры и фауны обязаны своим появлением этническим факторам, в то время как культурные смыслы, ассоциируемые с ними, например, с названиями тех или иных животных, природных стихий и т.д., возникают в пространстве культуры в процессе деятельностного освоения действительности и её упорядочения человеком.

Своеобразие этнокультурного сознания определяется спецификой мировосприятия разных этнических сообществ, различиями в их культурах и языках. Проблема выявления специфики этнокультурного языкового сознания может быть рассмотрена с

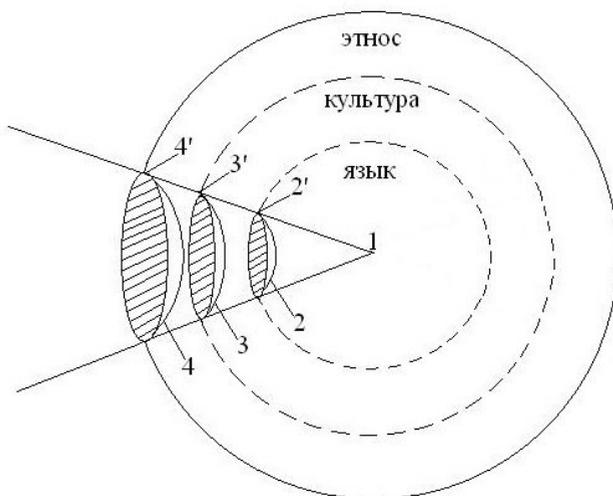
позиций микросоциума и макросоциума. В первом случае указанная проблема решается в плоскости социальное/ коллективное и личное/ индивидуальное. В данном противоборстве социальное, то есть общее, одерживает верх над личным, поскольку в процессе социализации и инкультурации язык вводит человека в общество, обеспечивая индивиду возможность овладения этнокультурным опытом и отождествления себя со своей этнической общностью. Таким образом, если каждый естественный язык представляет собой этнокультурное языковое сознание, существующее вне и помимо индивида, то индивидуальное языковое сознание формируется в результате восприятия человеком окружающего мира, что определяет специфику индивидуальной языковой картины мира. Поэтому если принять положение о том, что «язык пишет портрет этноса и отдельных личностей» [Арутюнова 2000], то можно сформулировать вывод о существовании обратной зависимости между социальным и личностным. С позиций макросоциума общее и специфичное в этнокультурном сознании обнаруживается на двух уровнях, что позволяет говорить об интра-этнокультурной и иноэтнокультурной вариативности сознания. Особенности иноэтнокультурного сознания вскрываются чаще всего на примере культуруносной лексики, сопоставимой в разных этнических языках. Специфика интраэтнокультурного сознания может быть выявлена при соприкосновении представителей различных социокультурных групп в пределах данного этноса, пользующегося одним и тем же языком, причём различия могут проявляться, например, в форме «содержательных разрывов и разломов» между трактовками одних и тех же явлений. Анализ изменений стереотипов и шаблонов в российском менталитете в течение обозримого исторического времени позволяет выделить несколько типов сознания, характеризующих следующие периоды: советский (революционный), советский (военный), постсоветский (перестроечный), постперестроечный. Национально-специфическое в этнокультурном языковом сознании закрепляет не только укоренившиеся и, следовательно, более консервативные представления, образы и оценки, но также и такие его составляющие, которые склонны претерпевать изменения вследствие радикальных изменений в социо-культурной действительности.

Предпринятая в данной работе попытка изучения единиц, отражающих специфику интраэтнокультурного языкового сознания, оправдана не только потому, что дает возможность истолковывать самих себя более точно, описывая через стереотипы и шаблоны своего

мышления то, что мы из себя представляем, но и позволяет найти оптимальные средства их передачи при переводе.

Завершается глава сопоставлением культурной (этнической) модели мира и языковой картины мира. Этнокультурная модель мира формируется в результате осмысления мироустройства и миропорядка и выводится из целостности бытия в национальной природе. Она вырабатывается на протяжении многих поколений людей в ходе их общественно-практической деятельности, определяется типом мышления и может подвергаться коррекции под влиянием внешнеэтнокультурных и внутриэтнокультурных условий. Языковая картина мира понимается как часть этнокультурной модели мира, закреплённая в содержательной стороне языковых единиц, которая формируется в процессе познания, осмысления и отражения действительности на базе и под влиянием конкретного национального языка. Этнокультурная модель мира и языковая картина мира являются разными по сути образованиями, не связанными однозначными отношениями. На самом деле, в языковой картине мира мы имеем образ образа, поскольку в этнокультурной модели мира создаётся образ некоторого предмета действительности как акт его осознания, а в языковой картине мира закрепляется этот окультуренный образ.

Таким образом, объёмная модель взаимодействия языка, культуры и этноса имеет следующий вид:

Цементирующим ядром пространства, образованного тремя «экзистенциальными факторами» человеческого бытия, является этнокультурная языковая личность как носитель сознания, этнокультурной модели мира и языковой картины мира. Условные обозначения: 1 – этнокультурная языковая личность, 2 – коллективное языковое сознание, 2' – языковая картина мира ЛКС, 3 – этнокультурное сознание, 3' – этнокультурная модель мира, 4 – индивидуальное языковое сознание, 4' – индивидуальная языковая картина мира.

Глава II «История разработки этнокультурологического подхода к языку в отечественной и зарубежной науке и современный взгляд на культурологическую семантику» предваряется кратким анализом проблемы языка, народа и народности в концепции А.А. Потебни. В предлагаемом обзоре подчёркиваются те положения теории учёного, которые имеют принципиальное значение для современного состояния лингвокультурологии и учтены нами при разработке этнокультурологического подхода к эквивалентности соотносимых лексических единиц. К ним следует отнести, прежде всего, понимание народности как специфики конкретного языка, заключающейся в том, *как* некоторое содержание выражается в языке, идеи о неразрывной связи языка и сознания /мышления, вследствие чего знание двух языков «не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей» [Потебня 1993:189]. Благодаря сходству в форме представления содержания мысли разные представители одного народа рассматривают эту часть содержания «под одним углом, с одной и той же точки» при всем различии в объёме их субъективного содержания. Следует особо подчеркнуть прозорливость А.А. Потебни относительно перспектив развития этнических языков, поскольку он решительно высказывался против слияния в будущем национальных языков в едином общечеловеческом языке, что актуально сегодня в условиях возросшего интереса к исследованию малоизвестных, «экзотических» языков, воплощающих различные системы приёмов мышления. Таким образом, многие идеи, высказанные учёным в 90-х гг. XIX века, оказались востребованными в современной науке и легли в основание новых научных парадигм, существенно повлияв на формирование нового эпистемического знания о языке.

Другое направление исследований с этнографическим уклоном в отечественной лингвистике представлено лингвистико-этнографическим подходом в диалектологии, картографировании, в

исследованиях отдельных фрагментов лексической системы, обозначающих этнографические реалии. Многие идеи, рождённые на стыке этнографии и лингвистики, получили дальнейшее развитие в рамках современной этнолингвистики и лингвокультурологии. Согласно триаде Н.И. Толстого «слово – вещь – действию», многие элементы культуры (обряды, поверья и др.) исследуются как тексты, в которых неразрывно сплетены вербальный, предметный и акциональный языки. Исследование диалектных различий, описываемых как противопоставленные (т.е. полностью соотносимые между собой и обозначающие одинаковые реалии) и непротивопоставленные (т.е. не имеющие полностью или частично эквивалентов в других зонах) перекликается с современной теорией мотивированных и немотивированных лакунов.

Отдельно отмечается важность включения психологического параметра в исследования истории русского языка под этнолингвокультурологическим углом зрения (труды Н.Н. Дурново, Д.К. Зеленина, М.Н. Покровского, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова и др.), что в целом изменило суть лингвокультурной парадигмы, выделившей следующие направления исследования видов культуры: элитарная культура, традиционная народная (диалектная), традиционная профессиональная (социально-диалектная), идиолектная. В современной лингвокультурологии эти идеи получили дальнейшее развитие в исследованиях социо-культурной вариативности в пределах одного лингвокультурного сообщества, языковых признаков разных субкультур и контркультур и т.д.

В ряде направлений на фоне языковых и культурных универсалий устанавливаются национально-специфические черты родственных языков и на основании полученных данных создаётся славянская языковая картина мира, позже – балканская модель мира. Хотя по проблематике и целям работы подобного рода выполнены в большей степени в русле этнографии, нежели лингвистики, полученные результаты внесли весомый вклад в изучение этнокультурной картины мира, подготовив почву для возникновения ряда новых направлений в русле лингвокультурологии, в том числе теории лингвокультурной ситуации.

Традиция соотнесения явлений языка и реалий этноса закрепляется в лингвострановедческой концепции. Справедливости ради следует отметить, что практика использования в учебно-дидактических целях лингвострановедческих материалов восходит в отечественной науке к трудам А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В.

Виноградова. Несомненной заслугой учёных, работающих в этой области, и главным достоинством работ по лингвострановедению в плане дальнейшей разработки этнокультурологического подхода к исследованию языка явилась постановка проблемы выявления национально-культурной специфики семантики в целом, а не только отдельных фрагментов и групп лексико-семантической системы.

Оценивая роль лингвострановедческой концепции языка с точки зрения её вклада в углубление и развитие этнокультурного взгляда на язык и в особенности на лексическую семантику, следует иметь в виду, что она не только явилась необходимым звеном в процессе осознания этнокультурной значимости фактов языка, подготовившим почву для становления лингвокультурологии как отдельной науки. Принципиально важным было то, что самим фактом своего появления она обозначила важный этап в развитии лингвистической мысли. Суть его состоит в поисках нового решения проблемы соотношения лингвистических и экстралингвистических аспектов семантики. Лингвострановедение помогло преодолеть традиционное нежелание выходить за рамки языковой семантики единицы, что приводило к отрыву языка от культуры, от национального сознания носителей языка.

Однако, выдвинув на повестку дня вопросы исследования национально-культурной специфики семантики в целом, представители лингвострановедческих концепций большее внимание уделяли исследованию безэквивалентной лексики, в то время как два других разряда – эквивалентные и фоновые номинативные единицы – не получили должного внимания. Между тем наблюдения показывают, что в условиях межкультурного общения так называемые словарные эквиваленты нередко обнаруживают разные степени эквивалентности, а фоновая лексика, чрезвычайно размытая по природе и характеристикам, оказывается вне поля зрения исследователей. Более того, заявленный сопоставительно-переводческий принцип, положенный в основу лингвострановедческой классификации словаря, реализуется в явной форме лишь в отношении эквивалентной и безэквивалентной лексики, в то время как фоновые слова отбираются, как правило, на основании не лингвистических, а методических критериев. Неясными остаются критерии выделения и описания эквивалентной лексики, статус которой до сих пор не получил однозначного толкования, а также не чётко проводится разграничение фоновых и эквивалентных слов.

В приводимом обзоре особое место отводится семантической концепции Н.Г. Комлева, который, отталкиваясь от идеи о «полиморфной» природе языка, исследует содержательную структуру слова в связи со способностью языка не только называть факты экстралингвистической действительности, но и тем самым закреплять наши знания о внешнем мире, не только выступать в качестве инструмента коммуникации, но и использоваться в качестве средства познания [Комлев 2003]. Автор впервые в отечественной лингвистике предлагает системное исследование природы культурного компонента, относимого им к субъективным элементам значения. Исключительным по своим теоретическим последствиям был выход автора за пределы лексики, ограниченной словами-реалиями, в область так называемых равноценных слов в разных языках, которые с точки зрения культурной коннотации не обладают одинаковым комплексом компонентов значения.

Н.Г. Комлев не называет свой подход лингвокультурологическим, но активно вводит в научный оборот понятийно-терминологический аппарат, который не теряет своей значимости в современных парадигмах. Так, в связи с культурным значением учёный оперирует термином «информационная нагрузка» для выражения способности слова вызывать разные объёмы коннотаций у разных людей, что, в свою очередь, определяется разным объёмом знаний, которыми располагает человек.

В зарубежной науке истоки этнокультурологического подхода к языку восходят к концепции сравнительной антропологии В. фон Гумбольдта, положившей начало европейской традиции, и к концепциям культурной антропологии (в трудах Фр. Боаса, Б.Л. Уорфа, Э. Сепира) в русле американской научной традиции. После краткого обзора положений, касающихся взглядов В.фон Гумбольдта на язык, в работе акцентируются те моменты, которые непосредственно касаются сути «национальных разделений», «языкового сознания нации», действия человеческой духовной силы, составляющей основу для языковых различий, проблемы связи языка с национальным происхождением человека, цивилизацией и культурой. В этом контексте роль языка видится В. Гумбольдту настолько значительной, что исследователь приходит к важному выводу о возможности изучать характер народа по языковым данным, если мировоззрение народа нашло отражение в обширной литературе, а также запечатлено в языке в контексте связной речи. Предложенная в трудах В. Гумбольдта концепция языкового сознания, включённого в

некоторую общую структуру сознания, разрабатывается позже Г.Г. Шпетом в связи с всеобщим единством сознания, которое характеризуется им как единство «культурного сознания», проявляющегося в разных формах (искусство, наука, право и т.д.), имеющих в языке своё начало и архетип. Чрезвычайно плодотворной и перспективной для следующих этапов развития этнокультурологического подхода к языку оказалась идея рассматривать «слово-понятия» как элементы культуры, в которых проявляется диалектика понятий и диалектика возможностей, причём последняя определяется им как диалектика реализуемого культурного смысла и называется «диалектикою экспонирующей и интерпретирующей» [Шпет 2003].

В разработку этнокультурологического взгляда на язык внесли весомый вклад американские антропологи. Б.Л. Уорф сформулировал ряд положений о характере соответствий между языком и культурой, обосновал принцип лингвистической обусловленности фактов культуры, показал роль языка в членении мира, исследовал соотношение языка и мышления /сознания и пути становления разных картин мира и т.д. Однако, решение многих проблем, не утративших актуальности и сегодня, не может устроить нас с позиций современного знания, так как имеет место гипертрофирование роли языка и недооценка разного опыта народов и человеческого сознания в процессе познавательной деятельности человека, перекосы в оценке отношений между языком, нормами мышления и нормами поведения. В результате автором предлагается оценка роли факторов, обуславливающих причины расхождений между семантическими пространствами разных языков, с которой трудно согласиться.

В трудах Э.Сепира мы находим истоки полипарадигмальности, являющейся отличительной чертой современной лингвистики. Учёный разрабатывает концепцию культуры, представленной набором элементов, в котором отпечатки матрицы выражены с наибольшей рельефностью, обосновывает самодостаточность культуры и её независимость от типа и уровня развития цивилизации, а также подчёркивает отсутствие причинной связи между степенями культурного развития и типами языковой морфологии. Американскими лингвистами введены в научный оборот понятия, ставшие актуальными в новых исследовательских парадигмах («мыслительный мир», «мыслимое пространство», «лингвистическая мыслительная среда» и т.д.).

Современный взгляд на этнокультурологическую проблематику представлен кратким обзором лингвокультурологических моделей языка, в которых рассматриваются вопросы, связанные с национально-культурной спецификой семантики, проводниками этнокультурной информации и параметрами этнокультурологического измерения лексической системы языка.

В предлагаемой в настоящем исследовании классификации лексической системы языка на этнокультурном основании использован критерий оценки характера этнокультурного содержания, как закреплённого в значении языкового знака, так и активизирующего этнокультурные смыслы в сознании языковой личности. Понятие «этнокультурное содержание», являющееся ключевым для настоящего исследования, определяется как достаточно широкая категория информационно-смыслового пространства, охватывающая не только те особенности содержания языковых единиц, которые формируются, развиваются и изменяются под влиянием этнических и культурных факторов. Сюда относятся явления, выходящие за рамки языкового значения в более широкий относительно независимый от языка контекст, образуемый системой концептов, идей, знаний, ассоциаций. Предлагаемая концепция этнокультурного содержания основывается на следующих положениях:

1. если понимать язык как общественное явление национальной культуры, то можно заключить, что вся лексико-фразеологическая система языка характеризуется культурным измерением, совмещая в себе, с одной стороны, элементы общечеловеческого универсально-культурного взгляда на окружающий мир, и, с другой стороны, мировоззрение и миропонимание конкретного народа. Следовательно, поскольку между любыми двумя лингвокультурными сообществами имеется определённая область совпадения культур, это естественно обнаруживается в совпадениях и сходствах между соответствующими аспектами содержания соотносимых языковых единиц. Данная область общечеловеческого содержания обеспечивает вход в совпадающие семантические структуры разных языков, что делает возможным выявление расхождений и различий между ними. Исследование этнокультурной семантики предполагает поиск уникального и неповторимого в

кажущемся универсальном, частного и специфичного – в общем.

2. Этнокультурное содержание многомерно по своей сути, разнообразно по носителям, локализации в единицах языка и речи/текста, формам экспликации, неодинаково по степени зависимости авторизации от национально-культурных прототипов носителей этнического языка.

3. Истоки этнокультурного содержания обнаруживаются на разных уровнях взаимодействующих пространств: *культура в языке* – через выявление предпочтительных в данном языке способов индикации этнокультурной информации, систематизацию явных и скрытых указаний на неё; *этнос и язык* – в способах отражения особой точки зрения на мир в единицах номинации, в том числе выбор того или иного признака при идентификации объекта; *язык культуры* – анализ концептов, воплощенных в языковых единицах, как отражение типичных для данного лингвокультурного сообщества культурных значимостей; *язык в культуре* – культурная символика языка и языковых единиц.

Этнокультурное содержание лексических единиц как многомерное «значенческое» и смысловое пространство формируется на разных уровнях и реализуется в различной форме:

1) на уровне языкового значения лексической единицы, проявляясь с разной степенью эксплицитности. Этнокультурная специфика в наиболее явном виде присуща языковым обозначениям атрибутов этноса и социокультурных явлений (традиционно изучаемых под рубрикой реалий).

Взгляд на языковые реалии с этнокультурных позиций открывает новые перспективы в осмыслении этой лексики. Во-первых, их количество оказывается значительно большим, чем представлялось, поскольку сюда относятся не только обозначения явлений природы, флоры, фауны, объектов материальной культуры, но и понятия из области абстрактной лексики (ср. в английском языке ключевые слова включают такие понятия, как *privacy – the (desirable) state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs, etc. In many Western countries, this is usu. given particular value and people expect to have their privacy respected by others (LDELС)*). В англоязычном мире бизнеса ценится понятие, обозначенное словом *good will – the value of the popularity, the regular customers, etc of a business calculated as part of its worth when*

being sold (ibid). Во-вторых, заметно раздвигаются границы смыслового пространства этой лексики, так как в фокус внимания попадают не только производные значения, но и культурные смыслы, ср. реалия русского языка *подворотня* развивает сочетания с отрицательной культурной коннотацией – *торчать в подворотне, околачиваться по подворотням*, в то время как реалия английского языка имеет положительную оценку в производном значении *gateway* – *an opening in a fence, wall, etc across which a gate may be put – the way of reaching or gaining something (esp something desirable), e.g. a gateway to success*.

2) на уровне аспекта языкового значения, формирующегося в значительной степени под влиянием этнокультурных факторов, а также отражающего идиоэтническую специфику номинаций, своеобразии сложившейся системы лексических связей на парадигматическом, синтагматическом и деривационно-эпидигматическом уровнях. Этнокультурное своеобразие менее осязаемо в содержании соотносимых в двух языках единиц, которые не принадлежат к категории языковых реалий и нередко по словарным данным рассматриваются как эквивалентные соответствия. Например, согласно данным авторитетных двуязычных словарей, к таким соответствиям относятся *career woman* – *работающая женщина, canvasser* – *агитатор*. Между тем анализ дефиниций перечисленных пар слов в одноязычных словарях вскрывает различия в толковании и понимании соответствующих объектов действительности, ср. *работающая женщина* – *женщина, которая трудится; кто может, способен трудиться (БТСРЯ)*, *career woman* – *a woman whose career is very important to her, so that, for example, she chooses to continue working rather than stopping in order to bring up children (LDELC)*.

Нередко этнокультурная специфика не дана в непосредственном наблюдении, принимая форму скрытых компонентов и обнаруживаясь в деривационных, сочетаемостных и иных признаках, напр, *buxom* – *(of a woman) attractively fat and healthy-looking, esp having large breasts*, т.е. содержится указание на пол дважды: через уточняющее ограничение и слово *breasts*. При переводе часть важной культурно-ценностной информации оказывается переданной неполно, неравномерно представленной в разных значениях, что приводит к определенным перекосам, ср. 1) полная, полногрудая, пышная, пышущая здоровьем, крепкая 2) приятная, миловидная 3) добродушная, сердечная (НБАРС).

При исследовании номинативных единиц с этнокультурных позиций особое место следует отвести номинациям, которые формируются как средства выражения этнокультурного взгляда на представителей разных этносов и этнических групп. Сюда принадлежат оценочные номинативные единицы, выражающие межэтнические отношения, ср. *houtie, Afro-Saxon, terr, boot, beige, boogie, clink, lemon, It (the quintessence of Blackness), Mister Tom* и многие другие являются оскорбительными для афроамериканцев обозначениями; *buddahead, dingbat (a Chinese person), dink (an oriental person, esp. Vietnamese), gook (a foreigner, esp. a Southeast Asian)* и другие презрительные имена для выходцев из Азии; *ABC (an Australian of Chinese descent), alf, Aussie, Groper (West Australian), digger / dig, Balt, fred, crow / crow eaters (South Australians)* - уничижительные имена жителей Австралии; *bagel-bender, fast-talking Charlie, three / three balls, five-to-two, Hymie, kike* – оскорбительные имена по отношению к иудеям; *hack, marshmallow, pale-face, ofay, Mister Charlie, paddy, pinky, vanilla, wood* – презрительные имена белокожих, *Indo (Indonesian), Itie (Italian), Joe (French-Canadian), Paky (a Pakistani)*. Значительное число наименований, включая оценочные, формируются на базе этнических групп даже в пределах вновь сформированной нации, ср. *peck, peckerwood (a poor Southern white), beaner / bean-eater (a Hispanic American), Chicano (a US citizen from Mexico), beefeater, bug (Englishman), bohunk (immigrant from Central or Eastern Europe), breed (a half-breed Indian), Chinkie (a Chinese person), chocolate frog (an immigrant esp. Of Mediterranean descent), crab (a resident of Annapolis), ethnief / ethno (an immigrant, esp. Italian, Greek, Yugoslav), greasy (a person of Mediterranean origin), Latino (a person from Mexico or Latin America)*.

3) На уровне этно- и социо-культурных смыслов, понимаемых как культурно-усреднённые представления членов некоторого социума об обозначенном данной единицей явлении действительности. Эти смыслы носят коллективный характер, образуя культурную сердцевину народа и являясь своего рода меткой принадлежности к «своим». Одновременно эта смысловая область практически закрыта для «чужих» и нуждается в особых приёмах экспликации в словарях. Условием образования подобных смыслов является процесс инкультурации и социализации. Являясь элементом смыслового пространства, образуемого данным словом, этно- и социо-культурные смыслы сопутствуют языковому значению единицы в качестве обязательного условия, определяя его специфику. Например, слово

гласность зафиксировано в словаре В.И. Даля со значением *известность, общеизвестность, оглашение, огласка*. Однако, в перестроечные годы оно получило новый смысл, который отразил происходившие перемены в обществе: *«политика правды, отрицающая замалчивание недостатков и негативных явлений»*. Подобно иным лингвокультурологическим образованиям, культурные смыслы связаны, в первую очередь, с ценностными установками, которые не являются универсальными и для разных групп внутри лингвокультурного сообщества, обнаруживают внутрикультурную вариативность и подвержены динамике даже на протяжении жизни одного поколения, что легко проиллюстрировать на примере оценочных смыслов, ср. производное от *перестройка* – *перестройщик* имеет оттенок ироничности в отличие от производящей основы с явно положительным смыслом в момент возникновения. Культурные смыслы подобного рода образуют часть фоновых знаний, которые тем не менее формируют достаточно фиксированный слой в рамках константной зоны смысла. Так, например, в английском языке слово *marginal*, означающий *находящийся на грани чего-либо*, обладает культурным смыслом в сочетании *marginal man* (*человек, усвоивший ценности доминантной культуры и отвергаемый своей собственной*). 4) На уровне этно- и социо-культурных ассоциаций и образов, представляющих разновидность коннотативных ассоциаций и, в отличие от предыдущей группы, не являющихся неперенным условием принадлежности к смысловой сфере единицы и образующих более текучие зоны смысла. Эта специфика единицы локализуется на периферии образуемого ею смыслового пространства, но влияет на особенности функционирования единицы в речи. Так, например, после известных событий 19 – 20 августа 1991 года название месяца стало ассоциироваться в течение некоторого времени с произошедшим в те дни путчем, ср. *Август перевернул нормальный ход истории /Август нанес удар по консервативным силам*.

Несомое языковой единицей этнокультурное содержание, а также актуализируемые ею культурно-усредненные смыслы используются в работе в качестве принципов классификации лексико-фразеологической системы языка на этнокультурном основании. В работе обосновывается этнокультурологический принцип классификации лексической семантики на двух уровнях: на уровне языкового значения (поверхностный уровень) и на уровне концептуальной семантики (глубинный уровень). Выделение уровня концептуального содержания позволяет учитывать этнокультурные и

когнитивные факторы формирования глубинной семантики языковых единиц. На основании предложенного принципа определены три разряда единиц – общекультурная лексика/ семантика, специфично-культурная лексика/ семантика и уникально-культурная лексика/ семантика. На уровне языкового значения характер культурной отмеченности устанавливается в отношении лексических, фразеологических и паремиологических единиц, понимаемых как носители общепринятого в языковом коллективе, социально обусловленного инвариантного содержания, закрепленного за языковой единицей. Одновременно они выступают как языковые средства активации определенной этнокультурной информации. На уровне глубинной семантики этнокультурная составляющая определяется в пределах концептуально-смысловых зон, образуемых отдельными значениями единиц. Результаты исследования единиц лексико-фразеологической системы на указанных уровнях не коррелируют друг с другом, поскольку осуществляются в различных плоскостях. В содержании соотносимых эквивалентных единиц (поверхностный уровень) могут быть установлены на разной глубине концептуальной семантики элементы общекультурного, специфично-культурного и уникально-культурного осмысления опыта.

Общекультурное содержание соотносимых лексических единиц определяется сходством в референциальном аспекте (предметный ряд), в одинаковом наборе компонентов и их организации в сигнификативно-денотативном блоке, сходных коннотациях (семантический уровень), схожем взгляде на объект и его оценке (этнокультурный параметр). Границы **общекультурной лексики** целесообразно определять с учётом полевой организации лексической системы языка и соотносить её с лексическим ядром языка, которое образуется основными значениями знаменательных частей речи, оцениваемыми по указанным выше параметрам. **Специфично-культурная лексика** формируется на уровне неосновных значений соотносимых в двух языках единиц, которые лежат за пределами лексического ядра и обнаруживают расхождения по одному или нескольким из перечисленных выше параметров. **Уникально-культурная лексика** представлена либо языковыми реалиями, либо не совпадающими значениями лексических соответствий, которые образуют периферию систем.

На уровне *глубинной семантики*, локализованной в концептуально-смысловых зонах, образуемых отдельными значениями, обнаруживаются черты полного или частичного схождения,

а также случаи отсутствия сопоставимого сходства. **Общекультурная семантика** может быть локализована на глубинном уровне разных разрядов единиц, включая так называемые закрытые объединения типа терминов родства. Так, например, сопоставление слов *мать* – *mother* на уровне концептуальной семантики показывает ряд сходств: общекультурные смыслы (ср. *дружески, всякая женщина в годах чувствуется матерью* – *inform used when speaking to an old woman*), схожие культурные ассоциации и образы (*свойственный матери, такой как у матери* – *like or typical of a good mother: материнская любовь* – *mother love; о том, что является родным, близким, дорогим: мать (сыра) земля, Родина-мать* – *regarded as having maternal authority: mother earth*), культурные коннотации (в чём *мать родила* – *mother-naked*).

Специфично-культурная семантика также формируется на глубинном уровне отдельными значениями, но в отличие от общекультурной семантики она обладает определенным своеобразием, ср. специфично-культурные смыслы (*крёстная мать* – *god-mother*), культурно-ценностные ассоциации и образы (*тёщин язык* – *mother-in-law's tongue*), культурные коннотации (*всасывать к молоком матери* – *to learn at one's mother's breast*). **Уникально-культурная семантика** присуща либо глубинной семантике языковых реалий, либо элементам образуемых соотносимыми значениями концептуально-смысловых зон, которые обладают неповторимым этнокультурным своеобразием, ср. уникальные культурные смыслы (с одной стороны, *мать-одиночка, мать-героиня, матери Беслана* – с другой стороны, *Mother's Day, mother country, every mother's son, mother and toddler group*), уникальные культурные ассоциации и образы (*мать родная не узнает, по матери ругаться* – *Want is the mother of industry, Mother Hubbard*), уникальные культурные коннотации (*катись к едрёной матери, показать кузькину мать* – *the Mother of Presidents, the Mother of States, the Mother of Parliaments*).

В **Главе III** «Этнокультурологический подход к исследованию информационного потенциала лексических и фразеологических единиц» рассматриваются возможности использования различных приёмов для выявления этнокультурной специфики содержания отдельных разрядов лексики. Следуя предложенной классификации лексической системы языка, мы обращаем больше внимания таким пластам содержания, которые носят неявно выраженный характер и характеризуются наличием этнокультурной информации, присущей единицам специфично-

культурной и уникально-культурной лексики/семантики. В первом разделе предложена классификация видов скрытой информации на основании четырёх критериев, подчеркнута важность общих и частных пресуппозиций, имеющих общекультурную и этнокультурную значимость, а также разрабатывается идея неодинаковой степени «открытости» разных видов скрытой информации в инолингвокультурном тексте.

В работе отмечается, что носителями скрытого этнокультурного смысла выступают нередко единицы специфично-культурной и уникально-культурной лексики, реализуя свой языковой и культурный информационный потенциал. Поскольку мы исходим из того, что содержание единиц связано с жизнью, практикой познания действительности и осмыслением культурного опыта этноса, внеязыковой культурой лингвокультурного сообщества, слова и словосочетания создают смысл как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях, декодирование которого требует опоры на две группы стратегий: с одной стороны, применимых к процессу понимания любого связанного текста и включающих лингвистические стратегии языковой обработки, когнитивные и контекстуальные стратегии; с другой стороны, предполагающих сочетание универсальных и идиоэтнических стратегий, поскольку они должны учитывать традиции выражения в языке и описания в тексте «своего» и «чужого», традиции культурологической и литературоведческой рецепции «своих» и «чужих» текстов. В контексте межкультурного контакта этнических языков принципиально важно учитывать «чужое» в мире слов и в мире толкуемого текста. Так как в инолингвокультурном тексте значительная часть информации предполагает сознательное и подсознательное владение культурными рамками, то её восприятие зависит от способности проникнуть в «чужие» культуры и менталитеты. Благодаря тому, что сознание человека способно представлять множество ментальных образных пространств, их этнокультурный инвариант выполняет роль объединяющего начала для представителей данного этноса, в то время как социокультурный фактор определяет вариативность в рамках одной культуры (ср. контркультуры, субкультуры, поп-культура, массовая культура, элита). Именно существование социокультурной вариативности языковых картин обуславливает в значительной мере различную степень открытости одной и той же скрытой информации для представителей разных социокультурных групп даже в пределах одного и того же этноса.

В качестве источников скрытой информации в тексте рассматриваются разные виды номинативных единиц, формирующихся в пределах специфично-культурной и уникально-культурной лексики. Сюда отнесены номинативные знаки, культурная специфика которых определяется предметным рядом (*общественная жизнь – social life*), внутриязыковыми различиями в разработке понятия средствами данного этнического языка (*адвокат – attorney, barrister, advocate, counsel, lawyer, solicitor*), этнокультурными смыслами (*салют – fireworks*), образными и ценностными компонентами (*ударный труд, ударник – best / top quality worker*). Нередко специфика отражения в языковой семантике культурных кодов (соматизмов, цветообозначений, артефактов, просодии, проксемики и т.д.) является причиной возникновения скрытой информации в тексте. Этнокультурный потенциал нередко возрастает за счёт повторных номинаций, вторичных косвенных номинаций, которые контрастно оттеняют разные аспекты содержания.

Поскольку в тексте слова реализуют свой информационный резерв, в работе решается задача систематизации способов указания на скрытую информацию в содержании вокабул в лексикографической практике. В ряду средств индексации этнокультурной специфики содержания упоминаются сведения о пресуппозициях, ассоциациях, культурных представлениях, практике использования вещи и т.д., помимо отражения этнокультурной специфики в словарных дефинициях значения, особенностях комбинаторики и функционирования единиц, средствах наглядности. Сюда также относят расширенный комментарий и примечания культурологического характера, специально составленные очерки об отдельных культурных явлениях в словарях языка и культуры. Особую роль в плане отражения этнокультурной специфики культурно-специфичной и уникально-культурной лексики/семантики играют различные способы включения в словарную статью этно- и социокультурной информации. Причём значительная нагрузка падает на разного рода спецификации фоновой информации, которая по своему характеру может быть как общекультурной, так и этнокультурной. В отличие от системы традиционных стилистических помет, устанавливающих приемлемые и допустимые границы функционирования единиц, фоновые спецификации имеют более широкий диапазон характеристик, в том числе функциональных, и относятся к разным слоям содержательной структуры единиц. Система средств фоновой спецификации включает указания на содержательные

характеристики высокой степени обобщения, напр., концептуальную область (*glide – (in music) the act of passing from one note to another without a break in sound; (in phonetics) a sound made while passing from one position of the speech organs to another*); категориальные и субкатегориальные признаки предмета (*fateful – (of a day, event or decision) having an important influence on the future*). Другие фоновые спецификации носят менее обобщённый характер и уточняют гендерный, возрастной, социально-стратификационный и др. параметры одушевленного объекта, напр., *chaperon (an older person (usu a woman) who goes with a young unmarried woman in public and is responsible for her behaviour); plump – slightly and pleasantly fat (most often used of women and children)*. Фоновые оценочные спецификации относятся к разным видам оценки (этической, утилитарной, нормативной, телеологической и т.д.), которые могут относиться к действиям, состояниям, субъектам речи и т.д. (*down right – (esp of something bad) thorough, complete; prude – a person who is, or claims to be, easily shocked by improper or rude things, esp. of a sexual nature, usu used for a woman, esp a very conservative older woman; to pick – to unlock a lock with any instrument other than a key, esp. secretly and for an illegal purpose; interested – personally concerned esp. so as to be unable to make a fair judgement from the outside*). Среди иных видов фоновых спецификаций следует выделить указания на интенсивность проявления признака, количественный параметр, инструмент, способ, цель действия, функциональное назначение предмета и т.д.

Как показал анализ, многие фоновые спецификации соотносятся не с общекультурной, а этнокультурной информацией, которая в предложенной нами классификации присуща специфично-культурной и уникально-культурной лексике. Именно наличие этой информации определяет характер соотношения и природу различий между соотносимыми единицами. Например, *дать к-л пощёчину* и *to slap smb's face* являются языковыми соматизмами, однако соматический компонент неодинаков в них, так как в английской фразе, в отличие от русского аналога, нет спецификации органа – адаптора (*щека*), но содержится нерасчлененное указание на орган (*лицо*). Расхождения в этнокультурной информации соотносимых единиц за редкими исключениями отражаются в переводных словарях, создавая впечатление полного совпадения. Так, например, упомянутое выше английское слово *plump* переводится как *полный, пухлый, округлый, упитанный*, то есть отсутствуют гендерная и возрастная спецификации; *to smack (to strike quickly and forcefully esp. with the flat*

part of the hands making a loud noise) – *шленать*, соматический признак в переводном словаре (НБАРС) имплицирован, характер действия не совпадает (ср. с дефиницией слова в толковом словаре: *наносить удары, побою ладонью или чем-либо мягким (обычно не сильно) (БТРСЯ)*).

Помимо спецификаций словарные средства индексации фоновой информации включают селективную сочетаемость, деривационный потенциал единицы и типичную комбинаторику как проявление прототипических связей объектов действительности, ср. *to giggle (to laugh quietly in a silly childish uncontrolled way often in a way which suggests that one is laughing about someone or something secret, which one finds amusing): to giggle with pleasure/bashfulness. In Britain it is used especially about young girls (DELС)* – хихикать, глупо или льстиво смеяться (БАРС). Нередко избирательная сочетаемость совместно с фоновыми спецификациями не только вскрывает расхождения в содержании единиц, но и даёт ключ к пониманию различий в национально обусловленной коллокации, ср. *to collect (to ask for or obtain payment of (money, taxes, rent, etc) – a collect phone call / call me collect / I sent you the books collect*.

В следующих разделах главы описан этнокультурологический метод исследования этнокультурной специфики содержания на разных уровнях лексической системы, включающих лексические, фразеологические и паремиологические единицы. Анализ лингвокультурного концепта *жилище* предваряется уточнением границ концептосферы, объединяющей его репрезентанты на лексическом уровне. В ходе анализа по данным лингвистических, энциклопедических, лингвострановедческих словарей и пособий, отраслевых словарей устанавливается перечень концептуальных признаков, релевантных для указанного концепта. На основании особенностей группировки установленных признаков описываются концептуальные модели, позволяющие определить инвариантно-понятийные (логоэпистемические) модели и их варианты-модификации. Установленная в ходе исследования концептосфера разделена на смысловые зоны, представленные ядром, приядерной зоной, основным блоком и периферией. Сопоставление английских и русских пар позволяет установить расхождения на уровне прототипических признаков, которые сближают и одновременно различают англо-русские параллели, ср. *rest home – дом отдыха* сближаются по признаку «место временного пребывания», но вместе с тем отличаются по совокупности ряда других. В английском слове

актуализируется прототипический признак *home – a place for the care of a group of people of the same type, who do not live with a family, and who usu have special needs or problems*. По данному признаку английская единица вписывается в таксономический ряд: *a rest /a children's /an old people's /an orphans'/a nursing home*. В русском словосочетании актуализируется прототипический признак концепта *дом – учреждение, заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды*, поэтому соответствующий ряд в русском языке включает: *дом отдыха / дом культуры / родильный дом*.

Ценностный и образный компоненты данного концепта установлены на основании анализа высказываний в аутентичных текстах для русского, британского и американского лингвокультурных сообществ.

Анализ этнокультурной информации фразеологических единиц с компонентом цветообозначения учитывал способность последнего сохранять / утрачивать свою семантическую полнотенность и автономию в составе фразы, степень вовлеченности разных компонентов в процесс фразеологизации и характер разных типов номинаций, формирующихся в контексте фразеологической единицы. Любой из названных критериев может быть использован в качестве основания для сопоставления соотносимых фразеологических единиц в двух языках и выявления их национальной специфики. Культурно-специфичная лексика/семантика обнаруживается у фразеологических единиц, сходных по смыслу, но различающихся либо по характеру компонента-цветонаименования (*red meat – черное мясо*), либо по сочетающемуся с ним компоненту (*You can't wash a black sheep white – Черного кобеля не отмоешь добела*). При внешнем совпадении соотносимые единицы способны нести частично различающиеся смыслы, ср. *grey matter (inform the power of thought) – серое вещество*. Уникально-культурная лексика в рамках исследованных ФЕ, разнообразна по характеру, поскольку различия могут принимать форму абсолютных лакун (ср. *белое духовенство, черная изба и to treat smb white, blue baby*), либо при сходстве поверхностных структур наделяться разной символикой (ср. *white night – белые ночи*).

Правомерность выделения трёх культурно-маркированных разрядов лексики/семантики подтверждается на материале соматизмов, образующихся в результате взаимодействия единиц естественного языка и культурного соматического кода. Вследствие этого соматизм целесообразно рассматривать в семиологической

ситуации «знак в знаке» и выделять соответственно два уровня лингвокультурологического анализа: уровень естественно-языкового знака, включающий формально-языковой и содержательно-языковой подуровни, и уровень знака соматического кода, образуемый акциональным и функциональным подуровнями. Сопоставление соматизмов английского и русского языков на каждом из уровней и подуровней показывает, что существуют некоторые общие закономерности образования языковых соматизмов по признаку их структурно-уровневой принадлежности (ср. «перевод» конвенциональных соматизмов во фразеоматические сочетания). С другой стороны, выявлена национально-культурная специфика соматической лексики, обусловленная характерологическими свойствами языков и расхождениями в поведенческом аспекте. На содержательно-языковом подуровне ономаσιологический план анализа также позволяет установить общекультурные тенденции и этнокультурные особенности формирования номинативных знаков (ср. *to nudge* – *расталкивать локтями*). Семасиологический подход также вскрывает сходства и различия в установленных группах соматизмов: соматических, сенсуальных и сенсуально-соматических. Анализ на уровне знака соматического кода предполагает культурную интерпретацию коммуникативного поведения собеседников по данным языка и текста, что зависит от знания общекоммуникативных и этикетных правил и стереотипов поведения, принятых в данном сообществе, типа ситуации общения (однозначные/неоднозначные, конгруэнтные/неконгруэнтные).

На уровне единиц пословичного фонда этнокультурологический анализ на предмет выявления общекультурной и этнокультурной информации также позволил установить три группы. Группа общекультурных паремий включает единицы, почерпнутые из общекультурного фонда (библейские, выражения из басен, древнегреческие и латинские заимствования, паремии мифологического происхождения). Сопоставительный анализ культурно-специфичных пословиц и поговорок в английском и русском языках выявил расхождения на уровне актуального смысла единиц, коннотаций, символического компонента. Помимо перечисленных различий отдельно установлены этнокультурные расхождения по признаку разного осмысления сходной жизненной или воображаемой ситуации и извлечения разных уроков из общекультурного опыта народов (ср. *Do not put new wine into old bottles* и *Не вливают молодое вино в старые мехи*). Группа уникально-

культурных паремий определяется неповторимым этнокультурным своеобразием либо вследствие вхождения в их структуру элементов-реалий, либо в результате различий в когнитивных структурах, лежащих в их основе. Например, в гендерных паремиях английского языка представлена в основном мужская перспектива, в них слабо выражена тематизация женских социо-культурных ролей, чему в немалой степени способствуют некоторые черты английского языка (ср. отражение факта кровного/некровного родства в английском языке, но без учёта, в отличие от русского языка, характера родственных отношений со стороны мужа или жены: теща/свекровь, золовка/сноха).

В Главе IV «Этнокультурный потенциал лексических единиц в переводческом аспекте» разрабатываются некоторые понятия переводного словаря лингвокультурологического типа, включающие двухуровневую эквивалентность, фоновый контекст, акцептируемость «не своего», лингвокультурную ситуацию.

Разработанная нами концепция эквивалентности, в структуре которой выделяются два уровня: языковой (поверхностный) и культурный (глубинный), выводится из предложенной в работе классификации лексики на основании этнокультурологического измерения. Языковой уровень эквивалентности ориентирован на языковое значение единиц и соотносит его с общепринятым лингвистическим толкованием, учитывающим отношения между языковыми знаками двух языков в контексте их функционирования. Данный уровень эквивалентности межъязыковых соответствий ориентирован на план формы и содержания языковых знаков как единиц двух этнических языковых систем, участвующих в образовании некоторых отрезков речи. Культурный уровень эквивалентности ориентирован на уровень концептуальной семантики и активируется в межъязыковых корреляциях лишь при условии подключения в процесс кодирования и декодирования единиц широкого культурного фона знаний, представлений, ассоциаций и т.д. рецептора. Глубинный уровень эквивалентности неоднороден по характеру культурной информации и состоит из нескольких слоёв:

1) *базовый общекультурный (надэтнический) слой*, который отражает общий фонд знаний и представлений об устройстве мира, сходные параметры видения определённого объекта, что обеспечивает возможность полноценного общения в межкультурной коммуникации благодаря наличию совпадающих зон в когнитивной базе и национально-культурном пространстве носителей разных языков и

культур. Наличие общекультурного основания соотносимых в двух языках единиц, квалифицируемых как переводческие (словарные) эквиваленты, делает успешной корректную интерпретацию их содержания (ср. *Grapes are sour – Виноград зелен*).

2) *этнокультурный слой*, связанный с отражением в языковой картине мира специфики в понимании миропорядка и осмыслении «вещей», лежащих в основании этнокультурной модели мира, обуславливает скорее различия, нежели сходства между соотносимыми единицами на этнокультурном уровне эквивалентности и является причиной ментальных, этнокультурных, ассоциативных и иных барьеров в межкультурном общении. Являясь результатом обобщения единого для этноса культурного опыта и обеспечивая тем самым общую для его представителей «культурную сердцевину», данный слой эквивалентности должен быть обеспечен адекватными переводческими решениями, направленными на предотвращение ситуаций непонимания и проявления «культурного шока» у инофона. Поскольку расхождения этнокультурного плана не лежат на поверхности, отношения словарной эквивалентности единиц нередко абсолютизируются, создавая ложное впечатление их тождества (ср. *собирается, сборы – to pack things*).

3) *лично-культурный слой* эквивалентности имеет значимость для интраязыкового перевода, то есть является релевантным в случаях перефразирования высказываний, языкового варьирования, внутриязыковых трансформаций. Данный слой культурной эквивалентности соотносится с различными составляющими индивидуально-когнитивного пространства, зависит от личного опыта, возрастных, профессиональных, статусных и др. характеристик и определяет качество и глубину интерпретации единицы. Таким образом, он в значительной степени влияет на адекватность восприятия и множественность интерпретаций содержания речевых единиц.

В свете изложенной точки зрения на двухуровневую структуру эквивалентности одна из главных задач при составлении переводного словаря лингвокультурологического типа заключается в поиске оптимальных способов структурирования содержания «чужого» как на поверхностном (языковом), так и глубинном (культурном) уровнях.

В контексте переводческих задач при передаче лингвокультурных реалий русского языка используются понятия фонового контекста, акцептируемости «чужого» в принимающем

языке и культуре, структурирования его этнокультурного содержания. Данные понятия отражают разные аспекты освоения «не своего» в переводной лексикографической практике. Статус лингвокультурных реалий русского языка как «чужого» в английском языке и культуре определяется рядом характеристик: во-первых, вторичностью их функционирования в новой этнокультурноязыковой среде; во-вторых, необходимостью поиска оптимальных способов их включения в чужой язык и чужую культуру; в-третьих, одновременной принадлежностью подобных единиц к двум этническим языкам и обращенностью к двум культурам, что требует оптимального соотношения адаптирующей и консервирующей переводческих стратегий в способах их передачи.

Среди русских лингвокультурных реалий рассматриваемого периода в разных пропорциях представлены все три категории предложенной в работе классификации лексики. Общекультурная лексика формируется за счёт заимствований и калек из «общего понятийного фонда», специфично-культурная лексика представлена разнообразными группами лексики, обозначающими как объекты артефактивного ряда (ср. *справка* – *certificate*, *referent*), социально-политические и экономические явления (ср. *теневая экономика* – *shadow economy*), так и культурные ценности, культурно значимые смыслы, установки, идеи и пр. (ср. *новые русские* (негативная оценка) – *New Man* (позитивная оценка)). Уникально-культурная лексика включает обозначения советских и постсоветских реалий, не имеющие готовых соответствий в английском языке (*бюджетники*, *список очередников*, *ЖЭУ*). Таким образом, проблема освоения элементов «чужого» должна учитывать степень «чужести» в трёх указанных выше группах, поскольку они требуют использования разных приёмов семантизации и индексации языкового и этнокультурного содержания.

Опорным звеном в переводном словаре лингвокультурологического типа является понятие фонового контекста, который понимается как разновидность лексикографического микроконтекста, являющегося словарным репрезентантом инофоновой информации, необходимой и достаточной для создания у иноязычного реципиента адекватного представления о языковом и культурном содержании единицы. Фоновый контекст призван обеспечить, с учётом языковой и культурной специфики содержания вокабулы, максимальную степень адекватной передачи элементов «не своего» для представителей иной этносреды с целью облегчения его акцептируемости.

Модели фонового контекста ориентированы на специфику перечисленных выше групп лексики, поскольку учитывают степень и характер различий в их содержании. Так, например, для единиц культурно-специфичной лексики важно указать нюансы несовпадающих этнокультурных ассоциаций, вызываемых аналогами (ср. *бритоголовые* – *skinheads*).

Культурно-специфичная лексика опирается на фоновый контекст, в котором содержится информация о специфике лингвокультурной ситуации, породившей ту или иную единицу, ср. *справка* – *certificate / referent. Cultural note: a document giving a statement made by an official person that a fact or facts are true: In Soviet years it was one of the main features of peoples' lives; without it a person could not get accomodation, a job, acquire a passport, change the place of residence and do many other essential things. Perestroika undermined the power of the spravka, introducing money instead in many instances, but failing to eliminate it completely.* Часто роль фонового контекста сводится к указанию на перераспределение информационной нагрузки слов, попадающих на иную почву, ср. *killer* изменяет смысл в русской среде, приобретая значение *наёмный убийца* и переносный смысл в выражении *телекиллер*. В фоновом контексте необходимо указать на эти изменения (*telekiller – a TV announcer who is paid by oligarchs to slander or blackmail an undesirable person*). Нередко в фоновом контексте достаточно сослаться на сложившиеся в сознании носителей языка-цели культурно-исторические и политические стереотипы для прояснения смысла единицы, ср *Kremlgate* – *on the analogy with Watergate: it is used to describe a political crisis in Kreml among the highest-rank government officials.*

Уникально-культурная лексика в большей степени нуждается в опоре на широкий фоновый контекст, поскольку в данном случае речь идёт о максимальной степени «чужести», которая проявляется на всех уровнях языкового и этнокультурного содержания. Например, фоновый контекст слова *хрущёвка* включает информацию о лингвокультурной ситуации, объясняющей условия возникновения реалии и её этимологию (*the word was coined after the name of N.S. Khrushchev, First Secretary of the CPSU Central Committee, Chairman of the Cabinet of Ministers in the former USSR*), вызывающей представление о внешнем облике дома и о характере условий проживания в нём (*a compact compartment of an extremely small size or a block of flats with several entrances and without a lift or refuse chute*), характеризующей типичный вид жилищного градостроительства на

протяжении определенной исторической эпохи (*that were mushrooming round the country in the 1960's*), являющегося привлекательным вариантом решения дефицита жилья в городской местности (*as the widespread construction of such buildings was N.S. Khrushchev's proposed solution to the housing problem in towns and cities*).

Фоновый контекст не только выполняет роль словарного аналога лингвокультурной ситуации, но и решает задачу оптимального сочетания адаптирующей (по отношению к языку-цели) и консервирующей (по отношению к языку-источнику) переводческих стратегий при передаче элементов «чужого» с целью обеспечения их акцептируемости в иной этнокультурной среде. В практике перевода известны два основных подхода к передаче «не своего»: «чужой» текст переводится на родной язык, либо текст с родного языка переводится на иностранный, приобретая статус вторичного, «чужого». При составлении русско-английского словаря решались переводческие проблемы, связанные, помимо традиционных, с прогнозированием предполагаемой степени «чужести» той или иной единицы для инофона, выбором необходимой стратегии (адаптирующей или консервирующей), поисками оптимальных способов преодоления языковых, этнокультурных, функционально-когнитивных расхождений. Причём, если в первом случае успешность вхождения «чужого» в свой язык и свою культуру определяется среди прочего принадлежностью переводчика к данной этносреде, то во втором случае эффективность внедрения «своего» в пространство «чужого» языка и культуры носит, как правило, вероятностный характер. Оттолкнувшись от выведенной Ю.М. Лотманом формулы внедрения «чужого» в иную этноязыковую культуру, предполагающей, что это «чужое» должно быть одновременно «лицом двух культур» [Лотман 1999], мы сформулировали правило разумного сочетания адаптирующей и консервирующей стратегий в переводе как необходимое условие успешности встречи авторского и инофонового сознаний, обеспечивающей благоприятную рецепцию «чужого» в новой среде. Так, например, неумеренное следование адаптирующей стратегии, обусловленной давлением принимающего языка и культуры, приводило бы к пренебрежению языковыми и культурными особенностями элементов языка-источника, в результате чего нередко получается приблизительный, неточный перевод. Предпочтение консервирующей переводческой стратегии, напротив, приводило бы к злоупотреблениям заимствованиями, часто ничем не оправданными. По этой причине оптимальное сочетание обеих стратегий нередко

находит выражение в комбинаторике используемых в словаре способов передачи «чужого» в виде параллельного, дублирующего перевода, включенного определения и т.д. (ср. *отмывание грязных денег* – *dirty money washing, legalisation of dirty money/ money laundering (Br), hot money recycling (Am)*).

Индексация этнокультурной информации в условиях словарного и текстового фонового контекста происходит за счёт подключения дополнительных способов в зависимости от характера единицы. В составленном словаре использованы следующие средства индексации этнокультурной информации:

1) культурологические пояснения различных элементов лингвокультурной ситуации, в условиях которой появилась некоторая реалья (**Cultural notes**), напр., *Тройка (советский суд-триумvirат)* – *troika: three members, three political leaders/ representatives. Cultural note: they were authorized by the party leadership to make important solutions in the years of Stalin's repressions.*

2) этимологическая справка как способ указания на источник появления культурно обусловленных ассоциаций (**Origin**), напр., *отчуба́йци́ть – to play a plank / trick. Origin: it is coined from the name of Anatoly Chubais, well-known Russian politician who put into practice his privatization programme.*

3) лингвокультурологический комментарий к «ключевым словам» эпохи (**Comment.**), напр., *человеческий фактор – the human factor. Commentary: first used by the sociologist Tatyana Zaslavskaya it meant that individual human beings, the producers, must be given incentives, material incentives above all, for turning out more products of better quality.*

4) сопоставление на уровне элементов схожей лингвокультурной ситуации, схожих культурных ассоциаций и смыслов, характерных для единиц культурно-специфичной лексики (**cf – compare**), напр., *показуха – pokazukha. Cultural note: a Sovietism that can only be lamely translated as 'throwing dust in the superior's eyes'. Cf. show-off, window-dressing (the art or practice of arranging goods in a shop-window to give a good effect and attract customers).*

5) особенности функционирования как отражение узуса под влиянием как собственно языковых факторов, так и в определенной мере «давления» со стороны лингвокультурной ситуации (**Usage**), напр., *поступить в вуз через собеседование – to enter a college after an interview. Usage: about medal-holders, Olympiad-winners, etc.*

б) система лингвокультурологических помет при единицах, имеющих силу штампов, отражающих лозунговость, плакатность выражений, связанных со стереотипами ментальности (**Party lingo**), языковыми речениями, имевшими широкое хождение в советскую эпоху (**Soviet cliches**), напр., *образ врага – the idea of the foe (Communist party lingo)*, *на благо простого народа – for the good of the simple people (Soviet cliché)*.

Разработанная в настоящем исследовании теория эквивалентности, выведенная из предложенной классификации лексической системы на этнокультурном основании, использована при составлении переводного словаря лингвокультурологического типа на материале английского и русского языков, но представляется перспективным применение данного подхода к другим языкам, которые сталкиваются с аналогичными проблемами при передаче лингвокультурных реалий.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора общим объёмом 38 п.л.:

1. Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 253 с.

2. Чанышева З.З. Средства создания скрытой информации в тексте (лингвокультурологический и лингвокогнитивный аспекты): Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2000. – 105 с.

3. Чанышева З.З., Дьяконова Г.Р. Русско-английский лингвокультурологический словарь неологизмов перестроечного и постперестроечного периодов. – Уфа: Изд-е БашГУ, 2002. – 130 с.

4. Чанышева З.З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения: Учебное пособие. – Уфа: Изд-е Башкирск.унив-та, 1984. – 80 с.

5. Чанышева З.З. Понятие эквивалентности с этнокультурных позиций // Вестник Башкирского университета. – 2005. - № 2. – С. 63 – 67.

6. Чанышева З.З. Языковая картина мира и этнокультурная модель мира // Филология и культура: Мат-лы V международной научной конференции. – 19-21 октября 2005 г. – Тамбов, 2005. – С. 496 – 499.

7. Чанышева З.З. Параметры культурного измерения лексической семантики // Человек в зеркале языка: Вопросы теории и

практики. Сборник, посвящённый памяти И.И. Мещанинова. – М.: РАН, Институт языкознания. – С. 183 – 200 (в соавторстве).

8. Чанышева З.З. Аспекты изучения единицы перевода // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 159 – 166.

9. Чанышева З.З. Проблема культурного аспекта значения языковых единиц // Система языка в статике и динамике: Межвузовский научный сборник. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С. 265 – 270.

10. Чанышева З.З. Проводники этнокультурной информации в языке // Россия и мир: вызовы времени: Материалы Международной научно-практической конференции: Ч.3. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2005. – С. 213 – 216.

11. Чанышева З.З. «Пространство значений» в этнокультурном ракурсе // Коммуникативно-функциональное описание языка: Сборник научных статей. Часть II. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 241 – 248.

12. Чанышева З.З. Параметры этнокультурного описания семантики // Семантические категории в разных лингвистических парадигмах. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 168 – 177.

13. Чанышева З.З. Этнокультурный потенциал паралингвизмов // Семантика равноуровневых единиц в языках различного строя: Сборник научных статей. К 65-летию проф. Р.З. Мурясова. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 231 – 240.

14. Чанышева З.З. Критерии оценки качества переводов с этнокультурных позиций // Проблемы обучения переводу в языковом вузе. Тезисы докладов четвёртой Международной научно-практической конференции. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 124 – 126.

15. Чанышева З.З. Перевод как вид межкультурной коммуникации // Университетская наука – Республике Башкортостан. Т. 1, Гуманитарные науки. Материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию основания БашГУ. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 85 – 87.

16. Чанышева З.З. Сознание, языковое сознание и культурное сознание // Вопросы полевого описания языка. – Уфа: РИО БашГУ, 2003 – С. 69 – 74.

17. Чанышева З.З. Отражение лингвокультурной информации в словарях // Лингвокультурологические и культурологические аспекты обучения иностранного языка в вузе. – Уфа: Изд-во УГАТУ. – С. 173 – 178.

18. Чанышева З.З. Текст в кросс-культурном деловом общении // Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранного языка в вузе. – Уфа; РИО БашГУ, 2002. – С. 63 – 66.
19. Чанышева З.З. Отражение стереотипов в английских информативно-регулирующих текстах // Лингво-методические проблемы обучения иностранным языкам в вузе. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 134 – 136.
20. Чанышева З.З. Языки и национальное языковое сознание // Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2. – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С. 139 – 143.
21. Чанышева З.З. Введение в корпоративную культуру в курсе делового английского языка // Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранным языкам в вузе. – Уфа, 2001. – С. 161 – 166.
22. Чанышева З.З. Прагматическая адаптация текста при переводе // Материалы межрегиональной научной конференции «Проблемы семантики и перевода в свете типологии языков и контрастивной лингвистики». – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С 97 – 98.
23. Чанышева З.З. Культурно-окрашенная лексика в лексикографической практике // Материалы международной научной конференции. – Уфа, 2000. – С. 151 – 152.
24. Чанышева З.З. К проблеме англоязычного освоения русской лексики и культуры // Germanica. Slavica. Turkica. Сборник научных трудов. – Уфа, 2000. – С. 173 – 181.
25. Чанышева З.З. Роль фонового контекста в формировании вторичной картины мира // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа: РИО БашГУ, 2000. – С. 150 – 154.
26. Чанышева З.З., Погорелко А.М. Способы перевода средств наименования адресата речи // Сборник материалов семинара «Переводческие решения: проблемы и поиски». – Пенза, 1998. – С. 116 – 120.
27. Чанышева З.З. Дефиниции фоновых слов в одноязычных и двуязычных словарях // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания. – Уфа: Изд-во Башкирск. унив-та, 1998. – С. 86 – 89.
28. Чанышева З.З. Культурный компонент в семантике языковых единиц // Вопросы семантики лексических единиц. – Уфа: Изд-во Башкирск. унив-та, 1990. – С. 50 – 55.